

Александр Владимир
Владимир Александрович

Жизнь с любовью 3 | Beta

Владимир Александрович
Жизнь с любовью 3 | Beta

«Автор»

2026

Александрович В.

Жизнь с любовью 3 | Beta / В. Александрович — «Автор», 2026

В мире где уже не безопасно случается зомби апокалипсис, вирус появился в Иркутске, и вы с вашей семьёй выживаете чуть ли не на каждой капле, напряжение растёт, доверие падает, опасность растёт... И тут уже не любовь решает...

© Александрович В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 0 <что?>	6
Глава 1 <Испания сгорела>	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Александрович, Александр Владимир Жизнь с любовью 3 | Beta

Вступление

Все действия вымышленные, разговоры и слова и персонажи вымышленные, все действия с реальной жизни случайны. Тут могут убивать или терять людей, рекомендуем подготовиться. Мы не хотим ослабить кого то, или что-то, цените возможности вашей страны и (ВОЗ) Возраст: 18+

Глава 0 <что?>

Я медленно открыл глаза и тут же зажмурился — в комнате было непривычно темно, хотя по внутренним часам я точно знал: уже давно пора рассвету. Сквозь щели плотных штор пробивался не золотистый свет, а какая-то серая, плотная мгла, будто кто-то накинул на город толстое шерстяное одеяло. Я приподнялся на локте, прислушался. Тишина была не той уютной, домашней, к которой я привык за годы жизни в этой финской квартире, а какой-то чужой, звенящей, будто весь мир затаил дыхание. Встал, подошёл к окну, отодвинул штору. И замер. За стеклом не было привычного вида на тихий двор, на аккуратные крыши соседних домов, на одинокий фонарь, который всегда мигал перед рассветом. Вместо этого — густой, непроглядный туман. Он стелился по земле, поднимался вверх, обволакивал балконы, скрывал деревья, растворял очертания машин. Казалось, что если высунуть руку за окно, она просто исчезнет в этой серой пелене. Я провёл ладонью по лицу, пытаюсь стряхнуть остатки сна, и пошёл на кухню. Там пахло остывшим кофе и чем-то ещё — едва уловимым, металлическим, будто где-то рядом открыли банку консервов и оставили на столе. Включил чайник, машинально глянул на телефон — ни одного уведомления, хотя обычно к этому времени там уже десяток сообщений от друзей, коллег, новостей. Странно. Очень странно. Потом я услышал звук. Сначала это был просто шорох, похожий на то, как ветер гонит по асфальту сухие листья. Но потом к нему прибавился другой звук — низкий, тягучий, похожий на стон. Он доносился откуда-то изда-лека, но с каждой секундой становился всё ближе, будто кто-то или что-то пробиралось сквозь туман, не торопясь, но упорно. Я замер, прислушиваясь, и вдруг понял, что этот звук не один. Их было много. Десятки. Сотни. Они сливались в единый гул, в странную, пугающую мелодию, от которой по спине бежали мурашки. По привычке включил телевизор. Экран загорелся, и на нём появилась надпись: «Экстренное сообщение». Я похолодел. Потом пошли кадры — не те, что обычно показывают в новостях: ни политиков, ни репортажей с мест событий, ни прогнозов погоды. Вместо этого — дрожащая камера, кто-то бежит, кричит, в кадре мелькают тени, фигуры, которые двигаются неестественно, рывками, будто у них сломаны суставы. Голос за кадром срывался, говорил что-то на английском, потом перешёл на финский, потом снова на английский, но смысл был один и тот же: «Они повсюду. Не выходите на улицу. Заприте двери. Это не учения». А потом на экране появилась надпись крупными буквами: «Начался зомби-апокалипсис». Я стоял, не в силах пошевелиться, и смотрел на экран, будто надеялся, что это какая-то ошибка, шутка, монтаж. Но камера снова переключилась — теперь показывали улицы Хельсинки. Машины стояли поперёк дорог, некоторые были перевёрнуты, витрины магазинов разбиты. По тротуарам брели фигуры — медленные, неуклюжие, но их было много, слишком много. Они тянули руки вперёд, будто искали что-то, кого-то. И вдруг одна из них подняла голову, посмотрела прямо в камеру — и у меня внутри всё оборвалось. Телевизор щёлкнул и погас. В квартире стало тихо — настолько тихо, что я слышал, как в трубах гудит вода, как тикают часы на стене, как тяжело и громко стучит моё сердце. Я обернулся, будто ожидая увидеть кого-то за спиной, но там никого не было. Только туман за окном, который теперь казался не просто погодным явлением, а чем-то живым, дышащим, поджидающим. И тут я вспомнил. Киладоша. Она должна быть дома. Я бросился в спальню, распахнул дверь. Она лежала, свернувшись калачиком, укрывшись одеялом почти с головой. Я тихо позвал её по имени, и она вздрогнула, приоткрыла глаза. — Что случилось? — прошептала она, ещё не проснувшись до конца. — Просыпайся, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Нам нужно быть готовыми. Она села, огляделась, заметила моё лицо, и в её глазах мелькнуло понимание — не сразу, но достаточно быстро, чтобы я почувствовал облегчение. Она всегда всё понимала с полуслова. — Что-то не так, — сказала она,

и это не было вопросом.— Да, — ответил я. — По новостям сказали, что начался зомби-апокалипсис. Она не закричала, не бросилась к окну, не стала отрицать. Просто кивнула, будто ждала чего-то подобного, будто в глубине души знала, что однажды этот день наступит.— Где девочки? — спросила она тихо. Я замер. Эстелла и Элара. Мы совсем забыли про них. Я бросился к двери, ведущей в детскую, распахнул её. Они сидели на кровати, прижавшись друг к другу, Эстелла обнимала Элару, будто пыталась защитить её даже во сне. Обе проснулись, смотрели на меня широко раскрытыми глазами, в которых читался страх, но не паника — пока ещё нет.— Всё хорошо, — сказал я, хотя сам не верил в эти слова. — Мы вместе. Мы справимся. Эстелла медленно кивнула, будто принимая эту реальность, а Элара прижалась к сестре ещё крепче, спрятав лицо у неё на плече. Киладоша подошла ко мне, положила руку мне на плечо, и я почувствовал, как её тепло немного прогоняет холод, сковывавший меня с тех пор, как я увидел эти кадры.— Нужно собрать самое необходимое, — сказала она спокойно, но твёрдо. — Вода, еда, лекарства. И найти способ узнать, что происходит за пределами этого тумана. Я кивнул. В голове крутились тысячи мыслей, но сейчас нужно было сосредоточиться на самом главном — на том, чтобы защитить свою семью. Чтобы не дать этому серому, зловещему туману поглотить нас. Мы начали действовать. Я собирал рюкзак, Киладоша проверяла окна и двери, убеждаясь, что они надёжно заперты. Эстелла помогала ей, стараясь не показывать, как ей страшно, а Элара сидела в углу, обняв любимую игрушку, и смотрела на всё это большими глазами, будто пыталась запомнить каждую деталь, чтобы потом, когда всё закончится, рассказать эту историю кому-то ещё. За окном туман становился всё гуще, звуки — всё ближе. Но внутри квартиры было тепло, светло и, самое главное, мы были вместе. И пока мы держались друг за друга, у нас был шанс. Шанс выжить. Шанс найти выход. Шанс сохранить то, что нам дороже всего. Это была глава нулевая. Глава, с которой всё началось.

Глава 1 <Испания сгорела>

Утро началось не с привычного кофе и не с тихого шёпота Киладоши рядом, а с резкого, пронзительного звука сирены, который ворвался в квартиру, будто хотел вытряхнуть из нас остатки спокойствия. Я резко сел, сердце колотилось где-то в горле, а в голове ещё крутились обрывки сна — того, где мы все сидели у камина, и туман был просто туманом, а не предвестником беды. Но реальность оказалась куда жёстче. Киладоша уже стояла у телевизора, её лицо было бледным, но собранным. На экране мелькали кадры, от которых кровь стыла в жилах. Не просто новости — хроника катастрофы. Ведущая, молодая женщина с дрожащими руками, пыталась говорить ровным голосом, но в её глазах читался неподдельный ужас. За её спиной на мониторе сменялись изображения: улицы Мадрида, заваленные перевернутыми машинами, разбитые витрины, тёмные провалы окон, из которых тянуло гарью. А потом камера выхватила колонну военной техники — ржавые грузовики, танки с потухшими фарами, солдаты, которые стояли, опустив плечи, будто сами не верили, что ещё могут что-то сделать. — По последним данным, армия Испании практически полностью истощена, — голос ведущей звучал глухо, будто пробивался сквозь толщу воды. — У них закончились боеприпасы ещё сутки назад. Последние резервы были израсходованы в попытке удержать периметр вокруг столицы, но орда оказалась слишком большой. По оценкам экспертов, количество заражённых в одном только Мадриде превышает несколько сотен тысяч. Они движутся волнами, сметая всё на своём пути. Я почувствовал, как внутри всё сжимается. Испания — страна, которую мы с Киладошей когда-то мечтали посетить, где хотели погулять по улочкам Барселоны, выпить кофе на площади Пласа-Майор, показать девочкам Альгамбру. Теперь это место превращалось в кошмар, отснятый дрожащей камерой. На экране появилась карта Европы, покрытая красными точками, будто кто-то брызнул на неё краской. Каждая точка — очаг заражения. И Испания горела не только в переносном смысле. Кадры сменялись: языки пламени поднимались над крышами, дым застилал небо, превращая день в сумерки. Пожары вспыхивали то тут, то там — от брошенных машин, от разбитых газовых труб, от случайных искр, которые в этом хаосе становились полноценными катастрофами. — Другие страны пытались оказать помощь, — продолжала ведущая, и в её голосе слышалась усталость, будто она сама не верила в то, что говорила. — Франция направила гуманитарные конвои, но они были атакованы по дороге. Германия отправила партию медикаментов и оружия, но из-за проблем с логистикой груз до сих пор не доставлен. Италия и Португалия пытаются организовать эвакуацию, но аэропорты и порты перегружены, а дороги забиты беженцами. Камера переключилась на прямую трансляцию с границы. Там, среди пыли и дыма, стояли люди — сотни, тысячи людей, которые бежали от огня и мертвецов. Они прижимали к себе детей, тащили сумки, в которых, наверное, лежали последние остатки прежней жизни: фотографии, игрушки, какие-то мелочи, которые казались важными ещё вчера. А за ними, вдалеке, над горизонтом поднималось багровое зарево — будто сама земля горела. — Сейчас мы получаем сообщения о том, что Мадрид практически полностью отрезан от остальной страны, — голос ведущей дрогнул. — Железнодорожные пути разрушены, автострады заблокированы. По неподтверждённым данным, часть города уже охвачена огнём. Пожарные службы не справляются. Военные пытаются организовать коридоры для эвакуации, но потери среди личного состава огромны. Экран на секунду потемнел, а потом снова вспыхнул — на этот раз показывали кадры с дрона. Вид сверху делал катастрофу ещё страшнее. Город казался лоскутным одеялом, где чёрные пятна пепла чередовались с оранжевыми языками пламени. А между ними, словно муравьи, двигались фигуры — те, кто ещё пытался спастись, и те, кто уже не был человеком. Я обернулся и увидел, что Киладоша стоит неподвижно, её пальцы вцепились в край стола, побелевшие костяшки выда-

вали напряжение, которое она пыталась скрыть. Рядом с ней стояли Эстелла и Элара. Эстелла обнимала младшую сестру, стараясь выглядеть сильной, но в её глазах плескался тот же ужас, что и у всех нас. Элара прижимала к груди потрёпанного плюшевого медвежонка, будто он мог защитить её от всего этого безумия. — Что теперь будет? — тихо спросила Элара, её голос дрожал, но она старалась говорить спокойно, как будто боялась, что если заплачет, то всё станет ещё хуже. Я подошёл к ней, присел на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне, и взял её за руку. Её пальчики были ледяными. — Мы будем держаться вместе, — сказал я, и в этот момент сам попытался поверить в свои слова. — Мы придумаем, как быть дальше. Главное — мы здесь, мы рядом. Киладоша подошла ко мне, положила руку мне на плечо. Её прикосновение было тёплым, настоящим — и это немного возвращало меня к реальности. — Нужно собрать всё, что у нас есть, — сказала она твёрдо, но без резкости, будто знала, что сейчас нельзя пугать девочек ещё больше. — Запасы воды, консервы, лекарства. И найти способ узнать, что происходит не только по телевизору, а на самом деле. Может быть, есть какие-то закрытые каналы, военные частоты... что угодно, что даст нам больше информации. Эстелла кивнула, будто ждала этих слов. Она всегда была такой — серьёзной не по годам, будто жизнь уже успела научить её тому, что спокойствие — это тоже форма силы. — Я помогу, — сказала она, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Я могу проверить интернет, поискать другие источники. Может, кто-то выкладывает прямые эфиры или сообщения в закрытых чатах. Я посмотрел на неё и вдруг почувствовал странную гордость — не за то, что она такая взрослая, а за то, что в этом безумии она всё ещё хотела что-то делать, хотела быть полезной. Мы начали действовать. Киладоша собирала аптечку, проверяла сроки годности лекарств, складывала в рюкзак бинты, антисептики, обезболивающие. Эстелла сидела за ноутбуком, её пальцы быстро бегали по клавишам, она открывала один сайт за другим, иногда хмурилась, иногда тихо ругалась, когда страницы не грузились или выдавали ошибку. Элара сначала просто сидела, наблюдая за нами, а потом вдруг встала, подошла к шкафу и начала вытаскивать тёплые вещи — свитера, шарфы, носки. Она делала это молча, аккуратно складывая всё в стопки, будто каждый свитер мог стать щитом от того, что творилось за окном. А я ходил по квартире, собирая всё, что могло пригодиться: фонарики, запасные батарейки, спички, даже старый компас, который когда-то купил в сувенирной лавке и забыл на полке. Я заглядывал в шкафы, под столы, в кладовку, будто надеялся найти там что-то, что спасёт нас от надвигающейся тьмы. За окном туман всё ещё висел плотной пеленой, но теперь в нём слышались другие звуки — не просто стоны и шорохи, а что-то более тревожное: далёкие хлопки, похожие на выстрелы, крики, которые тонули в серой мгле, вой сирен, который становился то громче, то тише, будто город дышал. Телевизор продолжал вещать, но теперь голос ведущей почти тонул в хаосе звуков. Кадры сменялись всё быстрее, будто сама реальность ускорялась, пытаясь убежать от неизбежного. На экране снова появился Мадрид — теперь уже не с высоты птичьего полёта, а с земли. Камера дрожала, оператор бежал, выкрикивая что-то на испанском, а вокруг него рушились здания, падали столбы, горели машины. И среди всего этого хаоса двигались фигуры — медленные, неуклюжие, но неумолимые. Они шли вперёд, не обращая внимания на огонь, на разрушения, на крики. Они были везде. Потом экран снова потемнел, и на нём появилась надпись: «Связь временно прервана. Приносим извинения за неудобства». И эта фраза — такая обычная, такая бытовая — прозвучала в нашей квартире как приговор. Мы замерли на мгновение, будто ждали, что телевизор снова оживёт, покажет что-то, что объяснит нам, как жить дальше. Но тишина была оглушительной. Она заполняла комнату, давила на уши, заставляла сердце биться чаще. — Ладно, — сказала Киладоша, и её голос прозвучал как команда, которая возвращает к делу. — Телевизор нам больше не помощник. Будем работать с тем, что есть. Она посмотрела на меня, потом на девочек, и в её взгляде я увидел то, что придавало сил: решимость. Не безрассудную, не отчаянную, а спокойную, холодную, как лезвие ножа. Она знала, что впереди нас ждёт тьма, и она была готова встретить её лицом к лицу. Мы

продолжили собирать вещи. Каждый предмет, который мы клали в рюкзак, становился частью нашего маленького плана выживания. Вода, еда, лекарства, тёплые вещи, фонарик, компас — всё это было не просто вещами. Это были наши щиты, наши мечи, наши ключи к будущему, которое ещё предстояло построить среди руин. Когда рюкзаки были собраны, мы собрались в центре комнаты. Не для того, чтобы прощаться, а чтобы просто почувствовать, что мы вместе. Элара прижалась ко мне, я обнял её, чувствуя, как её маленькое тело дрожит от страха и холода. Эстелла стояла рядом, её рука лежала на плече сестры, будто она обещала защищать её, даже если сама была напугана. Киладоша смотрела на нас, и в её глазах я видел отражение того же страха, но поверх него — твёрдость, которая не давала этому страху победить. — Мы справимся, — сказала она тихо, но так, что каждое слово звучало как клятва. — Мы не позволим этому миру сломать нас. И в тот момент я поверил ей. Не потому, что ситуация стала лучше, а потому, что рядом со мной были люди, ради которых стоило бороться даже в самом тёмном из миров. Испания сгорела. Пламя, дым и пепел стали её новым обликом. Но где-то далеко, в маленькой квартире в Финляндии, среди тумана и тишины, жила надежда — тихая, упрямая, почти незаметная, но такая необходимая. Надежда на то, что даже когда весь мир рушится, можно найти силы держаться друг за друга. И идти вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.